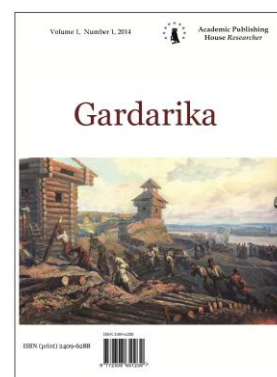

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Gardarika
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-6288
 E-ISSN: 2413-7456
 Vol. 6, Is. 1, pp. 11-25, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.6.11
www.ejournal26.com

UDC 903.42

The Settlement Structure in the Upper Paleolithic as a Migration Marker

Arthur Chubur

Bryansk state university academician I.G. Petrovski name, Russian Federation
 14, Bezhitskaya st., Bryansk 241036
 PhD, Associate professor
 E-mail: fennecfox66@gmail.com

Abstract

The hierarchic typology of Paleolithic dwellings is presented. I levels: artificial features and natural shelters. II levels: dwellings-settlement and elementary dwellings. Level III for elementary dwellings: bone-earthen, with some large bones, without bones. To dwellings-settlements concern Kostenki-Avdeevo complexes (lengthy facility with a line of the hearths, on a site surrounded by storage pits and recessed into the mainland huts), "lengthy houses" Kostenki IV (lengthy facility with a line of the hearths), habitation Yeliseevichi complex (site surrounded by recessed into the mainland huts). Based on ethnographic analogies from different points of the globe following hypothesis is proposed to explain the phenomenon of "settlement-houses." A similar build was elaborated in stereotype similar situations. This is one of the self-adaptive mechanisms of people who were on the open spaces uncontrolled by them only just new spaces. Life on foreign soil forced to seek a closed, compact layout of the settlement. It gave not only physical protection, but also a sense of security and control space. The sacred space of the house extends to all settlement. The dwellings-settlements may serve as a marker for non indigenous a population.

Keywords: upper palaeolithic; hierarchical topology; elementary dwelling; dwelling-settlement; adaptive mechanism; migration marker.

Введение

Палеолит – наиболее древний, и пока наименее познанный период в истории человечества. Именно поэтому важны как новые способы получения информации о социумах этого периода, так и выработка устойчивых критериев для анализа особенностей миграций и взаимодействия таких древних социумов. Давно известно, что организация и использование пространства группами людей при их расселения и проживании способны служить социальным и этническим маркером. Согласно типологии, предложенной Б. Триггером, выделяются три уровня расселения: жилище, поселение (характер расположения жилищ в его пределах), зональные расселения (то есть ландшафтная приуроченность поселений) [1]. Однако для палеолитической эпохи разработанность проблемы использования в качестве социально-этнических маркеров всех трех перечисленных уровней находится пока в зачаточном состоянии: археологи предпочитают намного чаще опираться на изучение и сравнение типологии изделий и особенностей технологий.

Какими социальными причинами могут быть обусловлены наблюдающиеся существенные различия в типологии жилищ и структуре поселений эпохи палеолита? В данной работе не планируется дать комплексный ответ на поставленный вопрос (да это и невозможно в пределах одной статьи), однако предпринимается попытка уточнения типологии жилых объектов на базе особенности их структуры, и найти объяснения причин возникновения особых замкнутых жилых комплексов, давно привлекающих внимание исследователей яркой и своеобразной материальной культурой.

Методика и материал

В работе автором применялись принципы историографической традиции, конкретности, системности, а также систематизация, структурирование и обобщение. В качестве конкретных методов исследования применены структурный анализ, иерархический метод классификации объектов, сравнительно-этнологический метод. Накапливая данные, автор не только изучал результаты исследований палеолитических памятников по публикациям и архивным материалам (научные архивы Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии НАН Украины, Института истории НАН Беларуси, Брянского и Юдиновского краеведческих музеев, личные архивы археологов К.М. Поликарповича и Ф.М. Заверняева), но и самостоятельно исследовал палеолитические поселения Быки, а также в течение многих лет участвовал в полевых исследованиях стоянок Авдеево, Пушкари 1, Зарайск, Костенки 1, Хотылево 2, Юдиново, Новгород-Северский и ряда других, наблюдая при этом особенности структуры поселений и расположенных на них жилых объектов. Кроме того, автор лично посетил и осмотрел практически все основные палеолитические поселения центра Восточной Европы, изучая особенности их расположения.

Обсуждение

П.И. Борисковский, разрабатывая основы типологии палеолитических жилищ, сразу обратил внимание на такой существенный фактор, как количество очагов. Небольшие округлые одноочажные жилища (как наземные, так и углубленные, полуземляночные) он считал более ранней формой, а многоочажные жилища (как результат слияния групп одноочажных) - более поздней [2]. Аналогичный типологический принцип применил и К.Скленарж, назвав первый тип центральным (с очагом в центре), а второй – осевым [3].

А.Н. Рогачев выделил для Восточной Европы сразу ряд устойчивых типов [4; 5]. Однако в процессе дальнейших исследований накопились факты, не укладывающиеся в рамки предложенной им схемы. Так, раскопки В.И.Беляевой в Пушкарях выявили новое жилище, конструкция которого оказалась сходна с «секцией» знаменитого трехочажного пушкаревского дома, изученного и реконструированного П.И. Борисковским. Жилая западина с центральным очагом имела размер ~ 3 x 3 м, по краям располагались вкопанные черепа и длинные кости мамонта, служившие основанием для опор перекрытия. Окружали западину вбитые в 6 ям и в материк кости мамонта. Объекты, описанные Борисковским как три внешних кострища у трехочажного жилища, по результатам раскопок Беляевой предстали тремя зонами эвакуации зольной массы через, соответственно, три входа: «трехочажное жилище» оказалось тремя плотно стоящими одноочажными хижинами, аналогичными новой [6, С.53-113, 136-138]. В «длинных жилищах» нижнего слоя Костенок 4, считавшихся А.Н.Рогачевым однотипными с пушкаревским, очаги по оси сооружения расположены местами столь плотно, что реконструкция в виде ряда одноочажных хижин оказывается принципиально невозможной. В итоге Александровско-Пушкаревский тип жилищ распадается. Александровско-Тельманский тип также иллюзорен: жилища верхнего слоя Костенок 4, лишь местами слегка углубленные человеком [7, С.21-33 Рис.6, 8], имеют больше сходства с наземными Аносовско-Гмелинскими жилищами, а не с углубленной почти на метр капитальной полуземлянкой Тельманской стоянки. Нет места в типологии А.Н. Рогачева и для сооружений стоянки Елисеевичи.

Основная проблема типологии А.Н. Рогачева состоит в том, что каждый тип выделялся по особой совокупности признаков без соотнесения с остальными типами. Автору представляется, что таксономия должна носить иерархический характер [8]. Таблица представляет предлагаемый уточненный вариант типологии палеолитических жилищ (Таблица, Рис. 1).

Учитывая наличие следов обитания в гротах (например, Новгород-Северская стоянка, дающая классический «пещерный» разрез отложений) для начала следует разделить палеолитические жилища Восточной Европы на искусственные сооружения и обустроенные естественные убежища. Далее искусственные сооружения, согласно выделенному П.И. Борисковским и К. Скленаржем ключевому признаку, следует разделить на многоочажные (жилища-поселения), и одноочажные (элементарные), являющиеся элементами поселений, состоящих из одного или нескольких таких жилищ и других объектов. Заметим, что некоторые одноочажные жилища вообще не имеют внутреннего очага, ибо он вынесен в прижилищное пространство, а внутри он мог заменяться жировыми лампами.

В типологии элементарных жилищ критерием дальнейшей классификации может быть применение крупных костей в архитектурных конструкциях. Можно выделить три варианта: 1. Массовое применение крупных костей мамонта в архитектуре: фундамент из вкопанных черепов и крупных костей и их использование в конструкции перекрытия (Мезин, Юдиново, Супонево, Костенки 2 и 11, Межирич, Гонцы, Добраничевка и др.) – Аносовско-мезинский тип (как и у А.Н.Рогачева). 2. Использование отдельных крупных костей в несущей конструкции (отдельные вкопанные черепа и вбитые в грунт кости конечностей мамонта, служившие опорами для перекрытия – Хотылево 2, Пушкари 1 и др.) – Пушкаревский тип. 3. Отсутствие костяных конструкций.

При прочих равных параметрах (округлая в плане форма, диаметр 5-6 м, как правило – центральный очаг), основной признак, делящий элементарные жилища третьей группы – соотношение уровня пола и уровня древней дневной поверхности. Глубина свыше полуметра и почти вертикальные стенки отличают полуземляночный Тельманский тип (Костенки 8 слой 1, Гагарино, Быки 1, возможно - Пены) от наземного или слегка углубленного самого распространенного Гмелинского типа (Костенки 21, Костенки 11-2, Костенки-4-1, Костенки 8-2 и др.). Делить первые две группы на углубленные и неуглубленные жилища нет смысла: и жилища западина в Пушкарях 1, и углубленный пол в третьем жилище Юдиново 1 находятся лишь на 20–30 см ниже древней дневной поверхности. Такое углубление могло возникнуть при вытаптывании, выравнивании пола и даже при регулярном удалении из жилища мусора и золы с частью материка. Это подтверждают актуалистические наблюдения автора за лагерем Хотылёвской экспедиции ИА РАН и БГУ, где столовая с земляным полом, ежегодно устанавливаемая на постоянном месте, за десятилетие трансформировалась из наземного сооружения в заметно углубленное. Степень углубленности могла быть связана и с глубиной залегания вечной мерзлоты: подтаивающую грязь приходилось бы регулярно удалять, что не могло не приводить к постепенному «погружению» пола.

Особенностью размещения элементарных жилищ на площадке поселения является то, что они, как правило, не образуют полностью замкнутого пространства, располагаясь линейно, хаотично или же в лучшем случае дугообразно [9]. В отличие от них объекты, названные здесь «жилищами-поселениями» (как правило, многоочажные) являются замкнутыми структурами образующими конструктивно единый и пространственно обособленный комплекс значительной протяженности (до 40 м) и площади (до 450 кв.м.). Их можно рассматривать одновременно и как жилища со сложной структурой, и как самостоятельные поселки. В контексте данного исследования собственно феномен «жилищ-поселений» и вызывает наибольший интерес.

Таблица 1

Типология жилищ на верхнепалеолитических поселениях

			искусственные				естественные
жилища-поселения			элементарные жилища				гrotы, пещеры
Костенковско-Авдеевский тип	Александровский тип	Елисеевичский тип	Со сложными костно-земляными конструкциями	С использованием крупных костей в конструкции	Без широкого применения костей		Новгород-Северский тип
			Аносовско-Мезинский (Юдиновский) тип		Пушкаревский тип	полуземля-ночные	
Костенки 1-1, Авдеево-Новое, Зарайск	Костенки 4-1	Елисеевичи, Авдеево-Старое		Юдиново, Супоново, Мезин, Межиричи, Добраничевка, Гонцы, Костенки 2, Костенки 11-1а		Пушкари 1, Хотылево 2, Зарайск (верхний слой)	Костенки 8-1, Гагарино, Быки 1

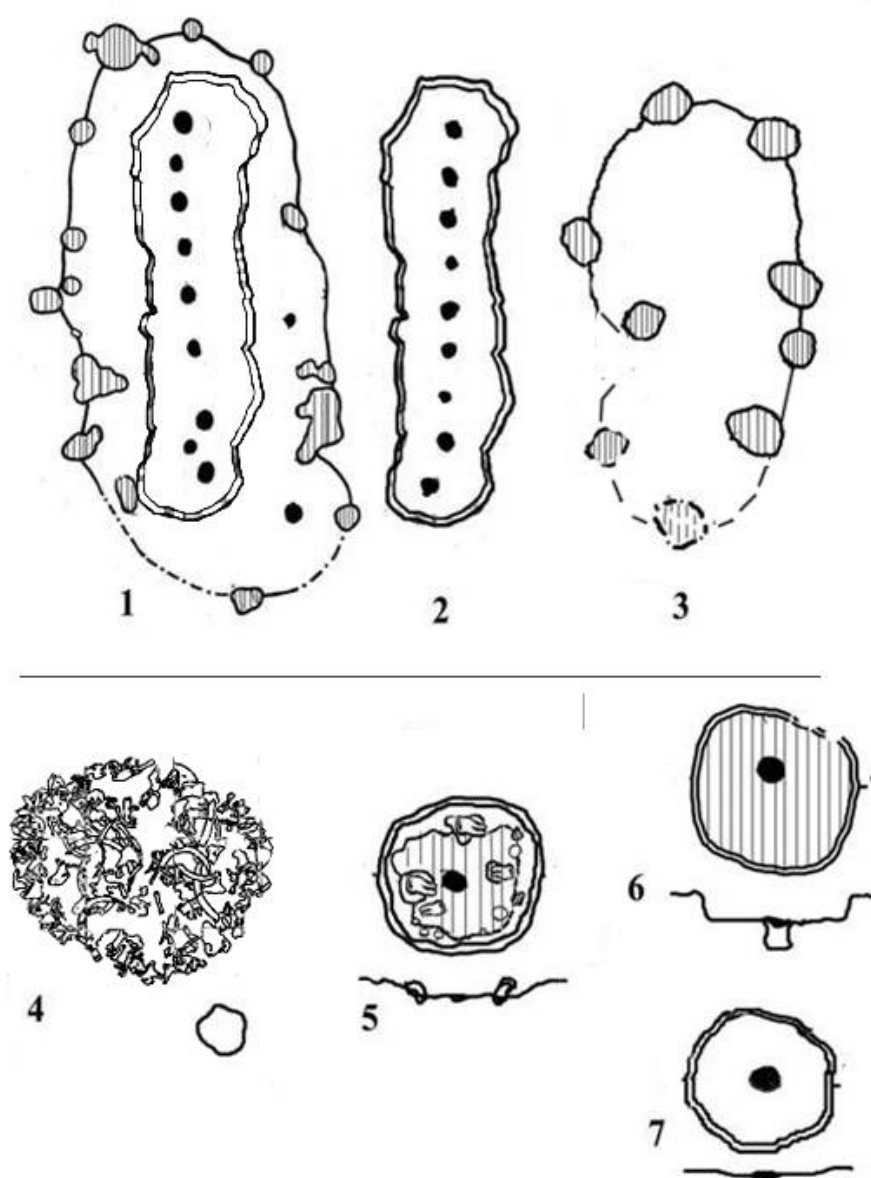

Рис. 1. Типология палеолитических жилищ. 1-3 – жилища поселения, 4-7 – элементарные жилища. 1 – костенковско-авдеевский комплекс (Костенки 1, слой 1). 2 – «длинный дом» (Костенки 4, слой 2). 3 – елисеевский комплекс (Елисеевичи 1). 4 – ановско-мезинский тип, костно-земляное жилище (Межирич). 5 – пушкаревский тип, жилище с применением крупных костей (Пушкари 1). 6 – Тельманский тип, углубленное жилище (Костенки 8, слой 1). 7 – Гмелинский тип, наземное жилище (Костенки 21 слой 3).

Наиболее известный тип – это костенковско-авдеевские комплексы (Костенки 1 верхний слой, Авдеево-Новое, Зарайск), представляющие собой объект с линией очагов на овальной жилой площадке, обрамленной большими хозяйственными ямами и полуземлянками (иногда их непросто отличить друг от друга). Анализируя особенности костенковско-авдеевских комплексов, В.Я. Сергин предложил считать каждый из них самостоятельным поселением, не отвергая их восприятия и как огромных жилищ [10]. Этот вывод был подтвержден исследованиями в Зарайске, где наблюдаются как минимум два перекрывающих друг друга типичных костенковско-авдеевских комплекса [11].

Марксистская гигантомания долго негативно влияла на достоверность реконструкций, а описания и изображения покрытых шкурами циклопических «ангаров» поныне кочуют по изданиям. Так, П.П. Ефименко, полагая, что речь идет о доме целого рода, не разделенного на семьи, считал, что очаги и полуземлянки были перекрыты единой крышей из шкур, в результате чего утепленная площадь достигала 600 кв.м. и более [12]. Даже в настоящее время возведение таких крупных утепленных помещений, как и их отопление – сложная инженерная задача, а в палеолите – так и попросту невыполнимая. А.Н. Рогачев осторожней предположил, что полуземлянки были присоединены по периметру к центральному «большому дому» в качестве «отдельных комнат» [13]. Намного более разумную позицию занял Г.П. Григорьев, считая, что полуземлянки и сооружение с линией очагов были единым комплексом, но между ними лежала открытая жилая площадка с насыщенным культурным слоем – само же центральное сооружение напоминало длинные дома из нижнего слоя Александровской стоянки (Костенки 4). Ширина такого длинного дома, по мнению Г.П. Григорьева, могла достигать 5-8 м [14]. В.Я. Сергин предложил реконструкцию в целом сходную с предыдущей, но с еще более узким (2,5-3,0 м) сооружением над очагами [15].

Некое перекрытие над очагами, скорее всего, действительно имело место, но вряд ли оно имело постоянные стены (это отразилось бы хотя бы на отдельных участках культурного слоя). Скорее стены могли напоминать поднимаемый и опускаемый по мере необходимости полог из шкур. Распределение находок, в том числе костяных поделок, не дает четкой зоны концентрации, не позволяет связывать активную деятельность обитателей исключительно с приочажной полосой, хотя в целом обработанная кость из культурного слоя тяготеет к ней [16]. Вероятно, над очагами имелось что-то напоминающее навес от непогоды, сходный центральной частью типичной деревни в центральной и западной Африке. «В любой деревне непременно есть место для своеобразного клуба встреч. Обычно это поляна посреди деревни, где часто сооружен навес под крышей, но без стен. Здесь работали кузнецы, иногда ткачи, здесь вечерами у костра слушали легенды и сказки бывалых стариков, здесь же была и своеобразная судная площадь, где после выслушивания сторон вождь и его советники разрешали споры и выносили приговоры, здесь и ныне собираются свободные от хозяйственных забот мужчины, обмениваются последними новостями...» [17, с.97]. Наверное, нечто похожее можно было наблюдать внутри костенковско-авдеевского комплекса, только место кузнецов заняли бы мастера по обработке кремня или косторезы.

Второй тип, относимый к категории «жилищ-поселений» – Александровский. Это «длинные дома» с десятком и более очагов вдоль оси сооружения и, вероятно, с двускатной крышей, из второго слоя стоянки Костенки 4. Они не могут быть отнесены к «элементарным жилищам» ни по числу очагов, ни по размерам (35 x 5 и 23 x 5,5 м), которые сопоставимы с многоочажным объектом по оси костенковско-авдеевских комплексов [18]. Нет убедительных доказательств синхронности двух «длинных домов» Костенок 4, хотя гипотеза М.Н. Желтовой с привлечением этнографических аналогий о том, что это так называемые «мужской» и «женский» дома единого поселка [19]. По сути дела, Александровский тип – это «усечённая», лишенная обрамления из ям и полуземлянок осевая часть костенковско-авдеевского комплекса. В отличие от костенковской линии очагов, александровские жилища-поселения несколько углублены.

Третий тип жилищ-поселений назван «елисеевичским» по стоянке Елисеевичи 1. В противоположность Александровскому типу, Елисеевичский можно представить как обратный вариант «усечения» костенковско-авдеевского комплекса, лишенного на этот раз центральной, осевой линии очагов. На стоянке Елисеевичи 1, если иметь в виду основной, нижний культурный слой, небольшие полуземлянки и ямы с костно-земляными конструкциями, так же, как и в Костенках, Авдеево и Зарайске обрамляли жилую площадку поселения [20]. Эти углубленные объекты не были идентичны костенковско-авдеевским землянкам по форме и конструкции, но, вероятно, функционально были близки. На площадке поселения, однако, не выделяется характерная для костенковско-авдеевских комплексов линия из больших округлых очагов.

Протяженность ограниченной ямами-землянками площадки с запада на восток превышает 20 м. Точнее о длине овала судить трудно, ибо какие-то объекты с множеством костей мамонта были размывы рекой еще в начале XX века. Четко вписывается в край «овала» комплекса яма, интерпретированная К.М. Поликарповичем, как «спальная», с

которой, судя по опубликованному плану [21, вклейка] также были связаны крупные кости мамонта. Эта ранняя структура перекрыта более поздним горизонтом обитания связанным с «зольником» раскопов 1935 и 1948 гг., находящим близкие аналогии в Хотылево 2 и Пушкарях. Во всех случаях такие «зольники» - это не пятна жилых структур и не следы кострищ, как думали вначале многие археологи, а напротив – зоны эвакуации очажной массы и мусора из жилищ: результат стереотипа бытового поведения. Их обычное положение – вне внутреннего обитаемого пространства собственно жилых сооружений. Не исключено, что зольник фиксирует место выхода с территории овального объекта. Более того, он свидетельствует о наличии на площадке не сохранившихся по каким-то причинам кострищ либо очагов. Возможно именно из-за наличия позднего горизонта обитания [22] и массы мерзлотных нарушений не наблюдается и четкой границы распространения культурного слоя на исследованной в Елисеевичах 1 площади. Попытка детализация структуры этой стоянки на основании анализа накопленной информации – дело ближайшего будущего.

Линия очагов изначально отсутствовала и в комплексе Авдеево–Старого. Если так, то Авдеево-Старое отличается от типичных костенковско-авдеевских комплексов из Авдеево-Нового, Костенок 1 и Зарайска и по своей структуре сближается с Елисеевичами 1.

Существуют ли для «жилищ-поселений» верхнего палеолита Восточной Европы какие-либо этнографические аналогии, способные пролить свет на особенности устройства и причины возникновения таких объектов?

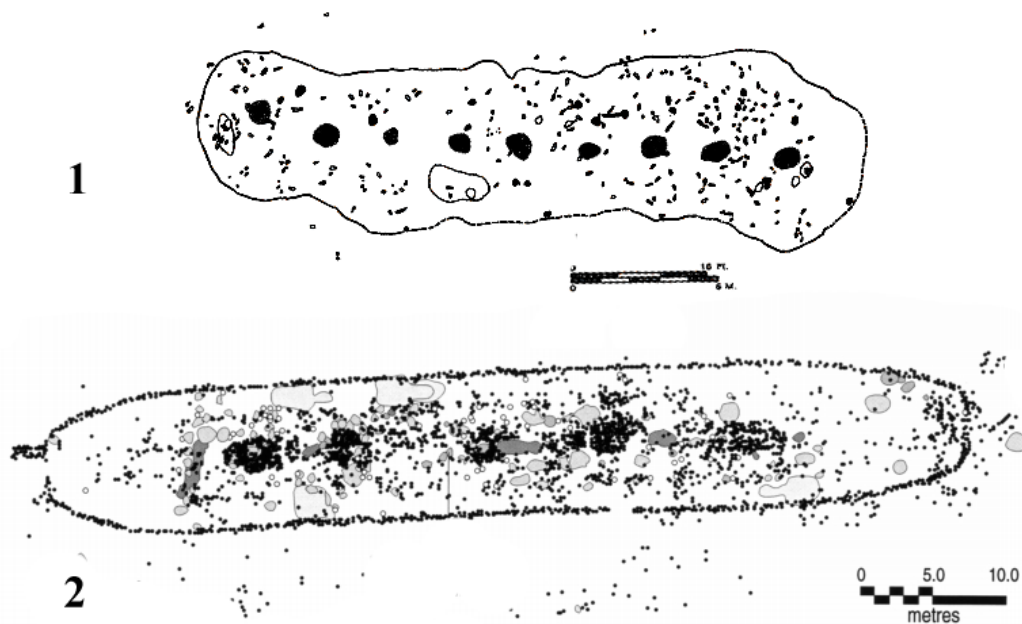

Рис. 2. Длинные «жилища-поселения». 1. Постройка 1, палеолитическая стоянка Костенки 4. 2. Постройка 7, стоянка ирокезов Дансмор (по: Grigor`ev, 1967; Robertson & Williamson, 2003)

*Рис. 3. Реконструированный длинный дом ирокезов
(Sainte-Marie among the Hurons, Canada)*

Что касается «длинных домов» Костенок 4 и многоочажных комплексов в Костенках 1 и Авдеево, чаще всего в качестве аналогии им в советской археологической и этнографической литературе выступают длинные дома ирокезов (Рис.2, 3). При этом нередко подчеркивается, что эта конструкция жилищ почему-то является свидетельством наличия материнского рода. Здесь следует пояснить, что все-таки сравнение будет более точным, если вести речь не о классических длинных домах (longhouse) XVII века, описанных Г. Морганом, а о раннем типе таких построек. Такие сооружения имели центральную линию очагов (до 12), скругленные углы, длину свыше 30 м (иногда до 55 м) и стандартную ширину 6-7 м [23], что вполне похоже на костенковские «длинные дома». Как типичный пример подобного сооружения можно привести длинный дом с поселения ирокезов XV века н.э. Дансмор в штате Онтарио (Канада) [24].

Для замкнутых овальных жилых комплексов костенковско-авдеевского и елисеевического типа имеется иная этнографическая аналогия. Это поселения первобытных скотоводов Южной и Восточной Африки.

Восточноафриканские масаи живут в энкангах – округлых поселениях, окруженных труднопреодолимым забором из колючего кустарника (Рис.4). Задача ограды – сделать территорию поселка недоступной как для хищников, так и для чужаков их других общин или племен, особенно ночью. По внутреннему периметру такого забора стоят 10-20 низких и тесных хижин, в которых рослые масаи вынуждены сидеть на корточках или лежать, порой даже не полностью вытянувшись. Хижины каждого поселения образуют замкнутый круг, внутри которого находится общий двор. Их плетут из тонких стволов и прутьев и конопатят свежим навозом, смешанным с мочой, который на солнцепёке твердеет. Интересен тот факт, что старики и взрослые, но еще не женатые мужчины живут в особых хижинах, отличавшихся еще меньшими размерами [25; 26]. Этот факт, между прочим, может заставить иначе взглянуть и на объекты в костенковско-авдеевских комплексах, традиционно именуемые «ямами-хранилищами», поскольку они меньше обычных полуземлянок.

Сходные по устройству поселения, называвшиеся «умузи», а в европейском варианте – «крааль» (из-за функции загона для скота) существовали также у зулусов (Рис.5), хотя хижины-«икукване», как правило, заметно крупнее, чем хижины у масаи, а периметр не только укрепляется плетеной стеной из веток, но и порой и искусственно углублен.

Центральная площадка поселка служит не только загон для скота, но и традиционным местом собраний, танцев и иных общественных действий [27]. В целом сходны с поселками масаи и зулусов краали, сооружаемые кой-койн (готтентотами) (Рис.6) [28].

Рис. 4. Энканг масаи заповедник Нгоронгоро, Танзания (по размещенным в открытом доступе материалам www.google.ru/maps)

У приведенных африканских аналогов замкнутых жилых комплексов палеолита имеются несколько несоответствий. Первое – отсутствие полуземляночных конструкций, их место занимают плетеные хижины. Это легко объяснимо тем, что полуземлянка удобней в плане низкой теплоотдачи в условиях перигляциального климата (в африканской саванне такая задача не стоит в принципе, напротив – сезон дождей заставляет делать жилища исключительно наземными во избежание их затопления). Второе несоответствие – это отсутствие центральной линии очагов, все очаги распределяются по хижинам: внутри или рядом с ними. Это и понятно: у африканских племен центральную площадку занимает скот, однако функцию «общественного места» она при этом сохраняет.

Рис. 5. Зулусский поселок-умузи близ Умлази. Литография, Джордж Френч Ангас, XIX в.

Рис. 6. Крааль кой-койн (готтентотов), по Петеру Кольбу.

Более того, далеко не всегда центральная площадка служит единственно возможным загонем – иногда загон, также огороженный стеной из ветвей колючего кустарника, пристраивается к поселку сбоку. У готтентотов же вообще внутрь загоняется обычно мелкий рогатый скот, тогда как крупный размещается вне поселка. Таким образом, замкнутая планировка поселения сформировалась, по всей видимости, не благодаря развитию скотоводческой деятельности. Как уже говорилось, замкнутая планировка носит защитный характер. Но неужели меньшие опасности со стороны хищников угрожают другим африканским племенам, создающим не замкнутые на себя поселения с открытой

планировкой? Вероятно дело не только во львах, шакалах и гиенах.

Известно, что масаи мигрировали на территорию современных Кении и Танзании примерно в XVI веке из верховьев Нила. В свою очередь предки зулусских племен впервые появились на территории южной Африки около 300 г. н.э., то есть с точки зрения первобытной, а не современной «быстротекущей» истории, весьма недавно. При этом окончательная колонизация ими значительной части южноафриканских территорий произошла лишь к XVIII веку. Таким образом и масаи, и зулусы фактически обитают в настоящее время на территориях, которые в историческом плане являются для них новыми, а не далее, чем 10-14 поколений назад они были на этих землях по сути дела чужаками-первопоселенцами [29; 30]. Значительная часть неоднородного по происхождению населения, называемого ирокезами, также мигрировала, неся свою аграрную культуру и характерную керамику из южных и юго-восточных районов Североамериканского континента, оказавшись в окружении чуждых и по большей части враждебных племен [31]. Именно здесь, на новом месте они начинают строить свои «длинные дома». Да, защищает от внешней опасности в данном случае не только и не столько дом, сколько устанавливавшийся вокруг частокол, однако и само сплочение обитателей в длинных домах у ряда очагов тоже могло быть адаптивным фактором.

Пришлые группы населения испытывают сходные неудобства – опасность со стороны автохтонных племен, со стороны местной фауны, и, наконец, проблемы психологического характера. Жизнь на чужой территории заставляла стремиться к замкнутой, компактной планировке поселения, дававшей не только физическую защиту, но и ощущение надежности, контроля над пространством. «Мой дом – моя крепость», говорят англичане. В данном же случае сакральное пространство дома распространяется на все поселение.

А теперь обратим внимание на особенности инвентаря палеолитических жилищ-поселений. Костенковско-авдеевская культура, оставившая свои следы в виде одноименных жилых комплексов близка порой до тождества по инвентарю к ряду явно однокультурных с ней поселений Центральной Европы – Виллендорф, Краков-Спадзиста и других [32]. При этом нет ни малейшего намека на наличие на Центральноевропейских памятниках жилых структур, в той или иной мере напоминающих окруженный полуземлянками и ямами замкнутый овал с центральной линией очагов. А вот как А.А. Синицын характеризует материалы жилищ-поселений нижнего слоя Костенок 4: «будь они найдены в Аквитании, ни у кого бы не вызвали удивления» [33]. Аналогии настолько яркие, что вряд ли это результат конвергентного развития культур. В нижнем слое Костенок 4 мы имеем дело с типичным памятником классического граветта – культурного явления, распространенного на территории Франции. В Восточной Европе аналогий памятнику нет. При этом среди граветтских памятников юго-запада Франции нет ничего похожего на домостроительство Костенок 4. Налицо еще одно поселение «пришельцев издалёка».

Елисеевичи для большинства палеолитоведов тоже памятник, не укладывающийся в рамки местного «эпиграветта», многие авторы полагают ее и вовсе чуждым культурным явлением для центра Восточной Европы. Обильная своеобразная обработанная кость, нетипичная для синхронных близлежащих стоянок технология обработки бивня [34], наличие реалистичных статуэток женщины и мамонта – все напоминает скорее центральноевропейские памятники. Не случайна, наверное, и конструктивная близость между полуземлянками Елисеевичей и полуземлянкой Павлова – только в Павлове это отдельное элементарное жилище, а в Елисеевичах – уже базовый элемент периметра «жилища-поселения». Культурное своеобразие заставляет считать население стоянки пришлым для центра Восточной Европы, как и население костенковско-авдеевских комплексов, а также нижнего слоя Костенок 4.

Заключение

Итак, основное отличие палеолитических «жилищ-поселений» от поселений эпохи палеолита с открытой планировкой состоит в том, что они оставлены, по всей вероятности, охотничье-собираТЕЛЬскими коллективами, мигрировавшими на восток из Центральной Европы. Похоже, что в сходных ситуациях вырабатывался относительно сходный строительный стереотип, представляющий собой один из адаптивных механизмов самосохранения людей, оказавшихся на просторах неконтролируемых ими только еще осваиваемых пространств. В этом

смысле костенковско-авдеевские комплексы и подобные им объекты – прообраз острогов сибирских землепроходцев и фортов пионеров Северной Америки.

Не исключено, что наличие замкнутых поселенческих структур может свидетельствовать и напрямую о сложных, недружественных отношениях с окружающим автохтонным населением. И все-таки, жилище-поселение как бы замыкающее в себе часть пространства могло быть одним из способов не только защиты от физической опасности, но и (возможно в первую очередь) способом сохранения родового самосознания, культурной идентичности в чужеродной этнокультурной, а может быть и природной среде.

В то же время элементарные жилища на поселениях автохтонных обитателей зачастую расположены так, словно их обитатели воспринимали поселение как часть окружающего мира, а не противопоставляли себя ему.

Примечания:

1. Trigger B.G. The Determinants of Settlement Patterns / B.G. Trigger // *Settlement Archaeology* / edited by K.C. Chang, Palo Alto, California: National Press Books, 1968. pp. 53-78.
2. Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки / П.И. Борисковский / *Материалы и исследования по археологии СССР* № 40. М. Л.: АН СССР, 1953. 464 с.
3. Sklenár K. Paleolithic and Mezolithic Dwellings: an essay in classification / K. Sklenár // *Pamatky archeologické, LXVII. Praha, 1976. pp.249-340.*
4. Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе / А.Н. Рогачев. М.: Наука, 1964. (VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук). 12 с.
5. Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения / А.Н. Рогачев // *Каменный век на территории СССР / Материалы и исследования по археологии СССР* № 166. М. Л.: Наука, 1970, с. 64-77
6. Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкари 1 (характеристика культурного слоя) / В.И. Беляева. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. 156 с.
7. Рогачев А.Н. Костенки 4 – поселение древнекаменного века на Дону / А.Н. Рогачев / *Материалы и исследования по археологии СССР* № 39. М. Л.: АН СССР, 1953. 164 с.
8. Чубур А.А. Новая типология палеолитических жилищ Восточной Европы / А.А. Чубур // *Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы XIV международного научного семинара. Омск, 2006. с. 99-102.*
9. Сергин В.Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР / В.Я. Сергин // *Советская археология, 1988. № 3. с. 5-20.*
10. Сергин В.Я. О сущности костенковско-авдеевских комплексов / В.Я. Сергин // *Краткие сообщения института археологии АН СССР, вып.189. Каменный век. М.: Наука, 1987. с. 8-13.*
11. Амирханов Х.А. Проблема «палеолитической деревни» костенковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки / Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев, А.Б. Селезнёв // *Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 211. М.: ИА РАН, 2001. с. 5-16*
12. Ефименко П.П. Костенки 1 / П.П. Ефименко. М.-Л.: АН СССР, 1958. 570 с.
13. Рогачев А.Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А.Н. Рогачев, М.В. Аникович // *Палеолит СССР (Археология СССР). М.: Наука, 1984. с. 162-271.*
14. Grigor'ev G.P. A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostenki I / G.P. Grigor'ev // *Current Anthropology. Vol.8, № 4 Oct. 1967. pp. 344-349.*
15. Сергин В.Я. Жилища на памятниках «восточного граветта» Русской равнины / В.Я. Сергин // *Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998. с.151-176.*
16. Булочникова Е.В. Пространственное распределение обработанной кости и кости со следами использования стоянки Авдеево / Е.В. Булочникова // *Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты) / Зямятнинский сборник, вып.2. СПб: Наука, 2011. с.48-68.*
17. Львова Э.С. Этнография Африки / Э.С. Львова. – М: Изд-во МГУ, 1984, 248 с.
18. Желтова М.Н. Костенковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена / М.Н. Желтова // *Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т.1. Археология.*

Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб: Наука, 2008. с.48-52.

19. Желтова М.Н. Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) / М.Н. Желтова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009- №2 (38). с. 19-27.

20. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи / А.А. Величко, Л.В. Грехова, Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова. М., 1997. 192 с.

21. Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья / К.М. Поликарпович. Минск: Наука и техника. 1968. 204 с.

22. Хлопачев Г.А. Палеолитическая стоянка Елисеевичи 1: результаты полевых исследований 2010–2011 гг. / Г.А. Хлопачев, Ю.Н. Грибченко, Т.В. Сапелко // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб: МАЭ РАН, 2013. с.80-90.

23. Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. / Ю.П. Аверкиева. М.: Наука, 1974. 350 с.

24. Robertson D.A. The Archaeology of the Dunsmore Site: 15th-Century Community Transformations in Southern Ontario / D.A. Robertson, R.F. Williamson // Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie Vol.27, №1 2003. pp. 1-61.

25. Народы Африки. / Под ред. Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехина. М. : АН СССР, 1954. Серия «Народы мира: Этнографические очерки». 732 с.

26. Amin M. The Last of the Maasai / M.Amin, D.Willetts, J.Eames. London: The bodley head, 1987. 192 p.

27. Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев / А. Брайант. М.: Иностранная литература. 436 с.

28. Kolb P. Beschreibung des Vorgebürges der Guten Hoffnung, und derer darauf wohnenden Hottentotten. Worinnen von der natürlichen Beschaffenheit des Landes, von den Gebräuchen der Einwohner, ingleichen von der Einrichtung dasiger Holländischer Colonien zuverlässige Nachricht gegeben wird / P. Kolb. Franckfurt: Monath, 1745. 452 p.

29. Vansina J. New linguistic evidence and The Bantu expansion / J. Vansina // Journal of African history, vol. 36 (1995), pp. 137-195.

30. Iliffe J. Africans: the history of a continent / J. Iliffe. Cambridge: University press, 2007. 367 p.

31. Ramsden P. But once the twain did meet: a speculation about iroquois origins / P. Ramsden // From the Arctic to Avalon: Papers in Honour of Jim Tuck. BAR International Series 1507. Oxford, 2006. pp.27-31.

32. Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. / Г.П. Григорьев. Л.: Наука, 1968. 176 с.

33. Сеницын А.А. «Западный граветт» Восточной Европы / А.А. Сеницын // Восточный граветт. Тез. док. международного коллоквиума. М., 1997. С.61-63

34. Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы / Г.А. Хлопачев. СПб: Наука, 2006. 262 с.

References:

1. Trigger B.G. The Determinants of Settlement Patterns / B.G. Trigger // Settlement Archaeology / edited by K.C. Chang, Palo Alto, California: National Press Books, 1968. pp. 53-78.

2. Boriskovskii P.I. Paleolit Ukrainy. Istoriko-arkheologicheskie ocherki / P.I. Boriskovskii / Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 40. M. L.: AN SSSR, 1953. 464 s.

3. Sklenár K. Paleolithic and Mezolithic Dwellings: an essay in classification / K. Sklenár // Pamatky archeologické, LXVII. Praha, 1976. pp.249-340.

4. Rogachev A.N. Paleoliticheskie zhilishcha i poseleniya v Vostochnoi Evrope / A.N. Rogachev. M.: Nauka, 1964. (VII Mezhdunarodnyi Kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk). 12 s.

5. Rogachev A.N. Paleoliticheskie zhilishcha i poseleniya / A.N. Rogachev // Kamennyi vek na territorii SSSR / Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 166. M. L.: Nauka, 1970, s. 64-77.

6. Belyaeva V.I. Paleoliticheskaya stoyanka Pushkari 1 (kharakteristika kul'turnogo sloya) /

V.I. Belyaeva. – SPb: Izd-vo SPbGU, 2002. 156 s.

7. Rogachev A.N. Kostenki 4 – poselenie drevnekamennogo veka na Donu / A.N. Rogachev / *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 39*. M. L.: AN SSSR, 1953. 164 s.

8. Chubur A.A. Novaya tipologiya paleoliticheskikh zhilishch Vostochnoi Evropy / A.A. Chubur // *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Materialy XIV mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. Omsk, 2006. s. 99-102.

9. Sergin V.Ya. Klassifikatsiya paleoliticheskikh poselenii s zhilishchami na territorii SSSR / V.Ya. Sergin // *Sovetskaya arkheologiya*, 1988. № 3. s. 5-20.

10. Sergin V.Ya. O sushchnosti kostenkovsko-avdeevskikh kompleksov / V.Ya. Sergin // *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii AN SSSR*, vyp.189. Kamennyi vek. M.: Nauka, 1987. s. 8-13.

11. Amirkhanov Kh.A. Problema «paleoliticheskoi derevni» kostenkovskoi kul'tury v svete issledovaniy Zaraiskoi stoyanki / X.A. Amirkhanov, S.Yu. Lev, A.B. Seleznev // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*. Vyp. 211. M.: IA RAN, 2001. s. 5-16

12. Efimenko P.P. Kostenki 1 / P.P. Efimenko. M.-L.: AN SSSR, 1958. 570 c.

13. Rogachev A.N. Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma / A.N. Rogachev, M.V. Anikovich // *Paleolit SSSR (Arkheologiya SSSR)*. M.: Nauka, 1984. s. 162-271.

14. Grigor'ev G.P. A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostenki I / G.P. Grigor'ev // *Current Anthropology*. Vol.8, № 4 Oct. 1967. pp. 344-349.

15. Sergin V.Ya. Zhilishcha na pamyatnikakh «vostochnogo gravetta» Russkoi ravniny / V.Ya. Sergin // *Vostochnyi gravett*. M.: Nauchnyi mir, 1998. s.151-176.

16. Bulochnikova E.V. Prostranstvennoe raspredelenie obrabotannoi kosti i kosti so sledami ispol'zovaniya stoyanki Avdeevo / E.V. Bulochnikova // *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoi Evrazii (tekhnologicheskii i funktsional'nyi aspekty) / Zamyatninskii sbornik*, vyp.2. SPb: Nauka, 2011. s.48-68.

17. L'vova E.S. Etnografiya Afriki / E.S. L'vova. – M: Izd-vo MGU, 1984, 248 s.

18. Zheltova M.N. Kostenkovskie stoyanki pervoi nadpoimennoi terrasy: varianty adaptatsii k okruzhayushchei srede verkhnego pleistotsena / M.N. Zheltova // *Problemy biologicheskoi i kul'turnoi adaptatsii chelovecheskikh populyatsii*. T.1. Arkheologiya. Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoi Evrazii: syr'e i priemy obrabotki. – SPb: Nauka, 2008. s. 48-52.

19. Zheltova M.N. Kostenki-4: vzaimoraspolzhenie ob'ektov v prostranstve i vremeni (analiz kul'turnogo sloya) / M.N. Zheltova // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2009. №2 (38). c. 19-27.

20. Pervobytnyi chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh sredy. Stoyanka Eliseevichi / A.A. Velichko, L.V. Grekhova, Yu.N. Gribchenko, E.I. Kurenkova. M., 1997. 192 s.

21. Polikarpovich K.M. Paleolit Verkhnego Podneprov'ya / K.M. Polikarpovich. Minsk: Nauka i tekhnika. 1968. 204 s.

22. Khlopachev G.A. Paleoliticheskaya stoyanka Eliseevichi 1: rezul'taty polevykh issledovaniy 2010–2011 gg. / G.A. Khlopachev, Yu.N. Gribchenko, T.V. Sapelko // *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g. / Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera)*. SPb: MAE RAN, 2013. s. 80-90.

23. Averkieva Yu.P. Indeitsy Severnoi Ameriki. / Yu.P. Averkieva. M.: Nauka, 1974. 350 s.

24. Robertson D.A. The Archaeology of the Dunsmore Site: 15th-Century Community Transformations in Southern Ontario / D.A. Robertson, R.F. Williamson // *Canadian Journal of Archaeology / Journal Canadien d'Archéologie* Vol.27, №1 2003. pp. 1-61.

25. Narody Afriki. / Pod red. D.A. Ol'derogge, I.I. Potekhina. M.: AN SSSR, 1954. Seriya «Narody mira: Etnograficheskie ocherki». 732 s.

26. Amin M. The Last of the Maasai / M. Amin, D. Willetts, J. Eames. London: The bodley head, 1987. 192 p.

27. Braiant A. Zulusskii narod do prikhoda evropeitsev / A. Braiant. M.: Inostrannaya literatura. 436 s.

28. Kolb P. Beschreibung des Vorgebürges der Guten Hoffnung, und derer darauf wohnenden Hottentotten. Worinnen von der natürlichen Beschaffenheit des Landes, von den Gebräuchen der Einwohner, ingleichen von der Einrichtung dasiger Holländischer Colonien zuverlässige Nachricht gegeben wird / P. Kolb. Franckfurt: Monath, 1745. 452 p.

29. Vansina J. New linguistic evidence and The Bantu expansion / J. Vansina // *Journal of*

African history, vol. 36 (1995), pp. 137-195.

30. Iliffe J. Africans: the history of a continent / J. Iliffe. Cambridge: University press, 2007. 367 p.

31. Ramsden P. But once the twain did meet: a speculation about iroquois origins / P. Ramsden // From the Arctic to Avalon: Papers in Honour of Jim Tuck. BAR International Series 1507. Oxford, 2006. pp.27-31.

32. Grigor'ev G.P. Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens. / G.P. Grigor'ev .L.: Nauka, 1968. 176 s.

33. Sinitsyn A.A. «Zapadni gravett» Vostochnoi Evropy / A.A. Sinitsyn // Vostochnyi gravett. Tez. dok. mezhdunarodnogo kollokviuma. M., 1997. S.61-63

34. Khlopachev G.A. Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy / G.A. Khlopachev. SPb: Nauka, 2006. 262 s.

УДК 903.42

Структура поселения в верхнем палеолите как маркер миграций

Артур Артурович Чубур

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Российская Федерация

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: fennecfox66@gmail.com

Аннотация. Представлена иерархическая типология палеолитических жилищ. Уровень I: искусственные и природные укрытия. Уровень II: жилища-поселения и элементарные жилища. Уровень III для элементарных жилищ: костно-земляные, с использованием отдельных крупных костей, без использования костей. К жилищам-поселениям относятся Костенковско-Авдеевские комплексы (протяженные объекты с линией очагов, на участке, окруженном ямами и полуземлянками), «протяженных домов» Костенки IV (длительного объекта с линией очагами), жилищем комплекса Елисеевичи (площадка, окруженная полуземлянками). На основании этнографических аналогий из различных точек Земного шара предложена следующая гипотеза, объясняющая феномен «жилищ-поселений». В сходных ситуациях выработывался относительно сходный строительный стереотип, представляющий собой один из адаптивных механизмов самосохранения людей, оказавшихся на просторах неконтролируемых ими только еще осваиваемых пространств. Жизнь на чужой территории заставляла стремиться к замкнутой, компактной планировке поселения. Она давала не только физическую защиту, но и ощущение надежности и контроля над пространством. Сакральное пространство дома распространяется на все поселение. Жилища-поселения могут служить маркером не автохтонного населения.

Ключевые слова: верхний палеолит, иерархическая типология, элементарные жилища, жилища-поселения, адаптивные механизмы, маркер миграции.